

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ОТКУПЩИКОВ Ю. В.

ОБ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛАТ. *VĪNUM*, ДР.-ГРЕЧ. (F)οῖνος «ВИНО»

Вопрос о происхождении названных в заглавии слов не является частным этимологическим вопросом. Он неразрывно связан с более общими вопросами языковой принадлежности догреческого субстрата, этногенеза греков, прародины индоевропейцев, а также, как мы увидим ниже, с общими принципами и методикой этимологического анализа.

Существуют две основные точки зрения относительно происхождения рассматриваемых слов. Еще в XIX в. была выдвинута этимология, согласно которой лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οῖνος являются производными и.-е. корня **uei-* «вить(ся), извивать(ся), плести». Этот корень мы находим в целом ряде и.-е. языков: ст.-слав. *вити*, литов. *vyti*, лат. *vīre* «вить», др.-инд. *vāyati* «плетет, ткет» и др. Отглагольные прилагательные и причастия от этих глаголов представляют собой производные с суф. *-t-*: ст.-слав. *витъ*, русск. *витой*, литов. *vytas*, др.-инд. *vītāh* «витой». Лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οῖνος отличаются от этих образований только суффиксальным *-n-* (на месте *-t-*). В качестве словообразовательно близких к ним форм обычно приводились ст.-слав. *ѣнѣць*, литов. *vainikas* < **uoīn-*, ср. др.-греч. (F)οῖν-ος¹ и некоторые другие и.-е. соответствия. В самом латинском и древнегреческом языке как образования от того же корня **uei-* приводились лат. *vitis* «виноградная лоза» и др.-греч. (F)ῑτέα «ива». Семантически все эти слова объяснялись как «вьющееся растение» (виноград) или «растение, используемое при плетении» (ива). Что же касается лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οῖνος, то здесь предполагалось семантическое развитие: «вьющееся растение» (виноград) → «плоды этого растения» (виноград) → «продукт, изготавливаемый из винограда» (вино).

По существу перед нами — одна из наиболее убедительных и детально обоснованных и.-е. этимологий. Ее придерживались Р. фон Планта [1, т. I, с. 279], К. Бругман [2, т. I, с. 186] и многие специалисты по итальянскому, древнегреческому и другим и.-е. языкам. Однако А. Мейе [3, с. 301 и сл.; 4, с. 163], А. Неринг [5, т. II, с. 644] и ряд других ученых высказались против этой этимологии. Приводимые ими аргументы были, в основном, экстралингвистического характера, традиционная этимология в работах указанных ученых не опровергалась, а просто отбрасывалась.

Аргументы противников изложенной этимологии вкратце таковы. Индоиранский не знает названия вина, общего с лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οῖνος. Кельтские, германские, славянские и балтийские слова (ирл. *fin*, др.-в.-нем. *wīn*, ст.-слав. *вино*, литов. *vūnas* и др.) так или иначе в конечном счете восходят к лат. *vīnum*. Следовательно, значительная часть и.-е. языков не имеет исконных слов, которые полностью соответствовали бы (в том числе — и по своему значению) лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οῖνος. Иначе говоря, эти слова не являются наследием и.-е. языка-основы.

Кроме того, греки и итальянцы явились пришельцами в области Средиземноморья. Значительная часть названий средиземноморских растений

¹ Ср. также *ѣнѣ* «венюк» в русских народных песнях — слово, в фонетическом и словообразовательном отношении полностью соответствующее др.-греч. (F)οῖνος. Русские примеры с корнем *ѣн-* здесь и далее даны в старой орфографии, т. к. *ѣ* в этих примерах отражает древний дифтонг *oi*.

в древнегреческом языке относится к догреческому субстрату. Все этимологически неясные названия растений в латинском и древнегреческом языках А. Мейе относил к древнему средиземноморскому неиндоевропейскому субстрату. Сюда же он отнес лат. *vīnit*, др.-греч. (F)οἶνος: хет. *wiyana-*, арм. *gini*. Из этого же общего неиндоевропейского источника, согласно А. Мейе, были заимствованы западносемитские названия вина (араб.-эфиоп. *wain*, др.-евр. *jajin*) и груз. *winio*.

Хотя аргументация А. Мейе не поколебала ни фонетических, ни словообразовательных, ни семантических основ традиционной индоевропейской этимологии лат. *vīnit*, др.-греч. (F)οἶνος, его общие соображения плюс исключительный авторитет этого ученого привели к тому, что постепенно старая этимология стала уступать место новой гипотезе о неиндоевропейском происхождении рассматриваемых слов. Характерно, например, что во втором издании «Этимологического словаря латинского языка» А. Вальде [6] была принята и.-е. этимология лат. *vīnit*, а в третьем (под ред. Й. Гофмана) — «средиземноморская» [7]. В «Сравнительном словаре индогерманских языков» А. Вальде — Ю. Покорного [8, т. I, с. 226] мы находим традиционное объяснение и.-е. названия вина, а в более позднем «Индогерманском этимологическом словаре» Ю. Покорного читаем: «*kauit idg., eher vorderasiatisch*» [9, с. 1121].

Против общей теории А. Мейе о средиземноморском субстрате и в защиту традиционной этимологии лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οἶνος неоднократно выступал В. И. Георгиев [10, с. 17, 62—63, 265, 267; 11, с. 375 и сл.; 12, с. 337 и сл.]. Среди его аргументов можно выделить: 1) очень интересный и убедительный фактический материал, подкрепляющий и.-е. этимологию анализируемых слов, и 2) спорные или, во всяком случае, недоказанные общие положения. Поскольку сторонники средиземноморской гипотезы в основном опираются на общие положения, слабость аргументации В. И. Георгиева во втором пункте делает его позицию в значительной мере уязвимой. Вместо концепции, согласно которой прародина индоевропейцев находилась в северной Европе (здесь виноградарство не было известно), В. И. Георгиев развивает и обосновывает идею об индоевропейской прародине, которая включает бассейн среднего и нижнего Дуная, где виноград культивировался с древнейших времен. Однако любая гипотеза, касающаяся спорного вопроса о прародине индоевропейцев, — это, как известно, отнюдь не аксиома, и одной точке зрения здесь всегда можно противопоставить другую. Наконец, В. И. Георгиев категорически отрицает наличие какого бы то ни было догреческого неиндоевропейского субстрата на Балканах. Эта несколько странная позиция также не усиливает аргументации болгарского ученого. И все же несмотря на спорность изложенных общих соображений конкретные аргументы В. И. Георгиева представляют несомненный интерес, и некоторые из приводимых им примеров будут использованы в настоящей статье при дальнейшем рассмотрении вопроса.

Две взаимоисключающие точки зрения по поводу происхождения лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οἶνος нашли свое отражение и в последних этимологических словарях различных и.-е. языков. Так, например, в этимологических словарях латинского языка А. Эрну — А. Мейе [13] и А. Вальде — Й. Гофмана [7] принимается средиземноморская гипотеза, Я. Фриск в своем «Этимологическом словаре греческого языка» склонен принять и.-е. гипотезу [14], а М. Фасмер пишет: «Обычно считается древним средиземноморским термином», но затем добавляет: «Формально существует возможность и и.-е. этимологии» [15, т. I, с. 316]. Следовательно, вопрос о происхождении лат. *vīnit*, др.-греч. (F)οἶνος и других и.-е. слов, обозначающих «вино», фактически до сих пор остается открытым. Более того, в последнее время все чаще высказываются идеи о неиндоевропейском источнике этих слов (см., например [16]).

При сравнении двух изложенных точек зрения обращает на себя внимание тот факт, что средиземноморская гипотеза, в отличие от гипотезы индоевропейской, опирается в основном на негативные аргументы, вообще не давая при этом никакой этимологии. Наличие слов со значением «вино» сходным или даже идентичным звучанием в ряде родственных и неродствен-

ных языков совсем не означает, что все они были заимствованы (параллельно или последовательно) из одного общего средиземноморского источника — языка доиндоевропейского субстрата. Подобную точку зрения можно высказать, но ее невозможно доказать, ибо мы ничего не знаем об этом гипотетическом языке, а поэтому вообще не можем дать средиземноморской этимологии анализируемых слов. Между тем нужно считаться с возможностью не внешних, а внутренних заимствований в том ареале, где распространены индоевропейские и неиндоевропейские названия вина. Решающим при определении путей и направленности заимствований должен быть вопрос о наличии или отсутствии э т и м о л о г и и у соответствующего слова в том или ином языке. И этимологию эту нужно устанавливать не на основании каких-то изолированных сопоставлений, а на базе комплексного, многопланового исследования, учитывающего все основные аспекты этимологического анализа слова. Настоящая статья имеет своей целью обосновать индоевропейское происхождение лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οῖνος, исходя именно из такого объективного и, по возможности, всестороннего анализа относящегося к данному вопросу конкретного языкового материала. В процессе последующего изложения будут отдельно рассмотрены ареальные, фонетические, словообразовательные и семантические аргументы, что и послужит основанием для сформулированных в конце работы выводов.

Ареальные данные. Если исходить из предположения об и.-е. этимологии лат. *vīnit*, др.-греч. (F)οῖνος, то отсутствие соответствующего этим словам названия вина в индоиранском и, возможно, заимствованный характер кельтских, германских, славянских и балтийских его названий заставляют отказаться от возведения исследуемых слов к индоевропейской эпохе². Не касаясь вопроса о возможности более ранних внутрииндоевропейских заимствований (например, из армянского или одного из балканских и.-е. языков в хеттский), отметим, что лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οῖνος появились после распада индоевропейской языковой общности — независимо от решения вопроса об исконном или заимствованном характере этих слов.

Для проверки потенциальных соответствий в родственных и.-е. языках наиболее важное значение имеет сопоставление др.-греч. (F)οῖνος с литов. *vainikas*, ст.-слав. *вѣнѣцъ* и русск. диалектн. *вѣнь* = *вѣнокъ* (см. выше). На первый взгляд может показаться, что семантические различия делают сопоставление этих слов затруднительным, несмотря на то, что в фонетическом и словообразовательном плане они абсолютно идентичны. Но при сопоставлении родственных и.-е. слов следует различать лексические изоглоссы, о б ъ е д и н я ю щ и е сравниваемые языки, и изоглоссы, которые можно было бы назвать «р а з ъ е д и н я ю щ и м и» и которые, строго говоря, изоглоссами не являются. Так, ст.-слав. *месо*, др.-прус. *mensa*, гот. *timz*, др.-инд. *mātsāt* «мясо» и др. — это пример объединяющей изоглоссы, свидетельствующий о том, что все приведенные слова являются наследием и.-е. языкового состояния. Иное дело, если мы сопоставим ст.-слав. *врѣмѧ* и др.-инд. *vārtman* «колея, рывина». Оба слова восходят к одинаковой форме **uert-mn*, образованной от и.-е. корня **uert-* «вращать». Но это сопоставление представляет собой «разъединяющую» изоглоссу, свидетельствующую о том, что оба слова возникли независимо в славянском и индоиранском ареалах³. Примеры последнего типа менее ценны при выявлении лексических изоглосс, они имеют сравнительно второстепенное значение при реконструкции и.-е. языкового

² В этом излагаемая ниже точка зрения расходится с точкой зрения В. И. Георгиева. В то же время локализация индоевропейской прародины на Балканах представляется мне наиболее убедительной из всех предложенных гипотез. Отчасти поэтому у меня нет полной уверенности, например, в том, что славянские слова, обозначающие вино, — непременно являются заимствованными. Ср. такие примеры, как серб.-хорв. *виндбер* «сбор винограда», *винов* «виноградный» и др., отражающие более древнее значение «виноград», а не более позднее — «вино».

³ Теоретически возможно еще предположить древнюю полисемию с утратой одного из значений слова в старославянском и другого — в древнеиндийском. Но в общем такая возможность маловероятна и в данном случае не может быть доказана.

состояния. Но у них нередко бывает одно важное преимущество перед примерами первого типа: и ст.-слав. *врѣмѧ*, и др.-инд. *vārtman* «колея, ритвина» этимологически прозрачны, а их исконное и.-е. происхождение ни у кого не вызывает сомнений. В то же время ст.-слав. *масо* и его соответствия, хотя и возводятся без особого труда к и.-е. языку-основе, в принципе могут оказаться очень древним заимствованием индоевропейской эпохи ⁴.

Что касается основы **uoi-n-* с ее столь различными в семантическом плане производными, как др.-греч. (F)οῖνος «вино», русск. диалект. *ѣнѣ* и литов. *vain-ikas* «венчик», др.-инд. *vēriṇh*, *verīṇh* «тростник (особенно бамбуковый)» ⁵ и *verī*, *verī* «заплетенные в одну косу волосы женщины» (<**uoi-ni-* с *-u-* основой и **uoi-ni-* с *-i-* основой), то многозначность этой основы легко объясняется исходным значением и.-е. корня **uei-/uoi-* «вить(ся), плести». В плане реальных различий между др.-греч. (F)οῖνος «вино», (F)οῖνη «виноградная лоза» и русск. *ѣн(ок)ъ*, разумеется, столь же существенно, как, например, между русск. *ѣвникъ* и др.-инд. *verīkaṇh* «сплетенная лента». Но этимологически все эти слова легко объединяются в общую группу.

Большая часть рассмотренных здесь и.-е. соответствий уже приводилась в работах, затрагивавших вопрос об этимологии лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οῖνος. Они делают предположение об исконном, а не заимствованном происхождении латинского и древнегреческого названия вина весьма правдоподобным, но не исключают полностью и возможности случайного совпадения: заимствованное из средиземноморских языков слово могло удачно «вписаться» в лексику латинского и древнегреческого языков, совпасть по форме с семантически близкими производными других и.-е. языков, которые, бесспорно, были образованы от и.-е. корня **uei-* «вить(ся)». Хотя вероятность такого случайного совпадения — ничтожно мала, она тем не менее не исключается полностью приведенными выше сопоставлениями.

Фонетические данные. Когда два и.-е. языка (или более) заимствуют одно и то же слово из третьего общего источника (при любой последовательности заимствования), то при сравнении этих слов мы, как правило, замечаем, что они не отражают обычных фонетических соответствий, типичных для исконной лексики этих языков. Примеры такого рода весьма многочисленны: ст.-слав. *сѣребро* ~ литов. *sidābras* ~ гот. *silubr*; др.-греч. Φοῖνικος (род. п. ед. ч.) ~ лат. *Pūnicus* «финикийский, пунийский». В последнем случае, в частности, греческому *φ-* в исконных и.-е. словах будет соответствовать латинское *f-*, а латинскому *p-* — греческое *π-*. В словах заимствованных эта закономерность нарушается, что наглядно проявилось в балто-славяно-германском названии серебра и в греческо-латинском имени финикийцев.

В случае с латинским и древнегреческим названием вина мы наблюдаем картину, типичную для слов, исконное и.-е. происхождение которых не вызывает ни малейших сомнений:

Латинский язык		Древнегреческий язык
<i>vīnum</i>	—	(F)οῖνος
<i>vidi</i>	—	(F)οῖδα
<i>vīcus</i>	—	(F)οῖκος

Здесь важно не только фонетически безупречное сопоставление с абсолютно надежными латинско-древнегреческими примерами и.-е. происхождения. Важнее другое: латинское и древнегреческое названия вина отражают обычное и.-е. чередование **e/*o* ⁶, которое едва ли могло возникнуть случайно — при независимом или последовательном заимствовании из третьего источника. Можно, конечно, предположить, что будучи заимствованы из каких-то разных средиземноморских языков или диа-

⁴ Для доказательства исконного и.-е. происхождения ст.-слав. *масо* и других родственных слов необходимо найти для них убедительную и.-е. этимологию, чего до сих пор пока сделано не было.

⁵ Широко используется как материал для разного рода плетеных изделий.

⁶ Ср. за пределами латинско-древнегреческого ареала фонетически близкие ст.-слав. *вина* (<**ueinā*) и литов. *vainā* (<**uoīnā*).

лектов, латинское и древнегреческое слова — опять-таки случайно! — отразили обычное и.е. чередование. Но с каждым новым вмешательством подобного рода «случайностей» средиземноморская гипотеза начинает выглядеть все менее правдоподобной.

Словообразовательные данные. И.е. этимология $*\text{uei-no-m} > \text{лат. } \text{vīnum}, * \text{ϰοι-no-s} > \text{др.-греч. } (\text{F})\text{οἶνος}$ предполагает, что перед нами — обычные отглагольные прилагательные с суффиксальными $*\text{-no-}$ типа др.-греч. $\deltaεινός, στεγνός$ или лат. $plēnus, dignus$ ($< *dekno-$ — к *decet*). Однако суф. $*\text{-no-}$ не был единым суффиксом и.е. отглагольных прилагательных. В частности, при формировании системы причастий в отдельных и.е. языках основным «конкурентом» суф. $*\text{-no-}$ явился суф. $*\text{-to-}$ ⁷. В славянском, германском, индоиранском в систему причастий вошли оба суффикса (ср. русск. *сдела-н*, но *убит-т*), отглагольные прилагательные на $-\text{vos}$ и $-\text{tos}$ известны в древнегреческом языке. Латинский язык в качестве единого суффикса причастий претерита всюду проводит суф. $*\text{-to-}$, а образования с суф. $*\text{-no-}$ здесь сохранились лишь в незначительном количестве [18, с. 17].

Следовательно, если и.е. этимология анализируемых слов правильна, мы должны ожидать в древнегреческом, латинском и других и.е. языках близких по значению образований с основой $*\text{ueit-}$ или $*\text{ϰοιt-}$. И, действительно, такие образования мы здесь находим. В первую очередь это лат. *vitis* «виноградная лоза, дикий виноград» и (метонимически) «вино». Отношение между суффиксами в словах *vī-n-um* и *vī-t-is* принципиально ничем не отличается от *plē-n-us* — *com-plē-t-us* или *sig-n-um* ($< *sek-no-m$) «знак» (буквально: «засечка, зарубка») — *sec-t-iō* «рассечение» и т. п. Ср. также ст.-слав. *пѣ-н-иѣ* — *пѣ-т-иѣ*, нем. диалект. *ge-wob-en* — *ge-web-t*, др.-инд. *bhinnāḥ* — *bhittāḥ* и мн. др. Но особенно, пожалуй, важным является подобное же распределение суффиксальных $*\text{-n-}$ и $*\text{-t-}$ в древнеиндийских словах, обозначающих тростник (преимущественно бамбуковый): *venūḥ* ($< *ϰοι-nu-s$) и *vetasāḥ* ($< *ϰοι-to-so-s$)⁸. Здесь, как и в лат. *vī-n-um/vī-t-is*, одно и то же растение имеет два названия, различающихся между собой первичными суффиксами $*\text{-n-}$ и $*\text{-t-}$ (и это — у производных того же самого и.е. глагольного корня $*\text{uei-}$, что и в случае лат. *vī-n-um/vī-t-is*).

В литовском языке полным соответствием латинскому *vitis* будет слово *vytis* «гибкий (ивовый) прут, лоза». Сложное слово (с кратким *i*) *žilvītis* буквально означает «седая ива» (литов. *žilas* «седой, серый»), а по ботанической классификации это — *Salix viminalis* или *Salix alba*. В ряде других и.е. языков слова с основой $*\text{uei-t-}$ / $*\text{ϰι-t-}$ также имеют значение «ива»: др.-в.-нем. *wīda* (совр. нем. *Weide*), авест. *vaē'ti-*, польск. *witwa*, др.-прусс. *witwan*. Здесь опять латинский язык, как и в случае с *vīnum*, расходится в плане семантики с балтийскими, славянскими и некоторыми другими и.е. языками. Но на сей раз он расходится и с древнегреческим: $\text{ἰτέα}, \text{οἰσάα}$ «ива», $\text{οἶσος}, \text{οἰσός}, \text{οἶσαξ}, -\alpha\chi\omicron\varsigma$ «род ивы»⁹. Таким образом, сопоставление латинских слов *vī-n-um* и *vī-t-is* с родственными и.е. соответствиями показывает, что и здесь перед нами выступают специфические именно для и.е. языков словообразовательные особенности.

В и.е. языках весьма широкое распространение имело чередование суффиксов $*\text{-n-}$ / $*\text{-men-}$ [ср. 22, с. 101—102; 18, гл. III]:

др.-инд.	<i>ās-n-aḥ</i>	— <i>ās-man</i>	«камень»
литов.	<i>srau-n-à</i>	— <i>srau-men-s</i>	(род. п. ед. ч.) «поток»
ст.-слав.	<i>mu-n-a</i>	— <i>mu-men-иѣ</i>	«грязь, тина»
др.-греч.	<i>τέχ-ν-ον</i>	— др.-инд. <i>ták-man</i>	«отпрыск, дитя»
литов.	<i>plė-n-as</i>	— авест. <i>paē-man</i>	«женское молоко» и мн. др.

⁷ «In vielen Beziehungen, formal und semantisch, gehen mit den *to*-Stämmen die *no*-Stämme parallel» [2, т. II, с. 394—396], см. также [17].

⁸ В. И. Георгиев [10, с. 266] приводит, видимо, ошибочную форму *vetah* (мне обнаружить ее в словарях не удалось).

⁹ Др.-греч. $\text{ἰτέα} < * \text{Fait-εα}$, ср. название аттического дема Εἰτέα [19, с. 271]; $\text{οἰσάα} < * \text{ϰοι-tu-a}, \text{οἶσος} < * \text{ϰοι-tu-os}$ [20, с. 103; 21, с. 472, 506; 14, т. II, с. 368]. Об изменении $\text{tu} > \text{so}$ в древнегреческом см. [21, с. 272]. Ср. также ст.-слав. *ѣтѣѡ* $< * \text{ϰοι-tu-is}$ [14, т. II, с. 368].

Оба суффикса отглагольных прилагательных позднее вошли в систему причастий ряда и.-е. языков. Латинский язык не знает причастий ни с одним из этих суффиксов. Более того, количество древнейших реликтовых образований с суффиксальным **-n-* (если брать примеры с относительно надежной этимологией) составит в латинском языке едва ли более 10—15 примеров¹⁰. И тем не менее в латинском языке мы также сталкиваемся с чередованием **-n-/*-men (tum)*:

<i>lū-n-a</i>	«луна»	—	<i>lū-men</i>	«свет (к <i>lūc re</i> «светить»)
<i>plē-n-us</i>	«полный»	—	<i>com-plē-mentum</i>	«дополнение» [к (<i>com</i>)- <i>plere</i> «наполнять»]
<i>sig-n-um</i>	«знак»	—	<i>seg-men (tum)</i>	«отрезок» (к <i>secūre</i> «сечь, разрезать»)
<i>tig-n-um</i>	«балка»	—	<i>teg-men (tum)</i>	«покрывало, покров» (к <i>tegere</i> «покрывать» [18, с. 23—24])
<i>fre-n-us (culi)</i>	«язвочки»	—	<i>fre-mentum</i>	«струн» (к <i>frondere</i> «растирать зубами» [24])
<i>lig-n-a</i> (мн. ч.)	«дрова», букв. «собранный (хвост)» ¹¹	—	<i>ab-leg-min-a</i>	«куски жертвенного мяса, приносимые богам» (к <i>legere</i> «собирать» [13, т. I, с. 3]).

В этот же самый словообразовательный ряд (достаточно древний по своему происхождению) естественно вписываются латинские слова: *vī-n-um* «виноград, вино» — *vī-men* «гибкий (ивовый) прут, лоза, ива», *vī-mentum* «плетение, плетеный щит» (к корню **uei-*, ср. лат. *viēre* «вить, плести»).

Здесь мы вновь сталкиваемся с обозначением с помощью одного корня (**uei-/uei-*), близкой словообразовательной модели (суффиксы **-n-* и **-men-*) и одной и той же семантической мотивации (связь со значением «вить») названий винограда и ивы (ср. лат. *vītis* «виноград» и литов. *vytis* «ива», а также другие приведенные выше примеры). Оба слова (*vīnum* и *vīmen*) имеют немало общего также в образовании производных: *vī-neus* и *vīmineus*, *vīnārius* и *vīminārius*, но особенно *vīnētum* «виноградные кусты, виноградник» и *vīminētum* «ивовые кусты, ивняк».

Таким образом, лат. *vīnum*, как и др.-греч. (F)οἶνος, занимает свое естественное место в сложной системе словообразовательных отношений — как в самом латинском языке, так и за его пределами. Словообразовательные данные, так же как ареальные и фонетические, позволяют уверенно говорить об исконном и.-е. происхождении лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οἶνος.

Семантические данные. Прежде всего следует отметить, что название винограда как «вьющегося растения» — это своего рода семантический «штамп». Типологические примеры типа и.-е. **uer-* «вить(ся)» → др.-в.-нем. *rēba* (совр. нем. *Rebe*) «виноградная лоза», ср. также русск. *верба* — весьма многочисленны. Утверждение о том, что лат. *vīnum*, как и др.-греч. (F)οἶνος, имело название алкогольного напитка, а не растения (это всячески подчеркивает, например, Дж. Бонфонте [16, с. 86—87]), представляется совершенно несостоятельным. Развитие значений «алкогольный напиток» → «виноград» неправдоподобно. Во всяком случае, Дж. Бонфанте таких примеров не приводит. В то же время древнегреческий топоним Οἰνοῦσσα (название ряда островов) и догреческий Οἰνόανδα (Писидия) определенно отражают не название вина, а название винограда.

У с о т е н древнегреческих (геср. догреческих) топонимов и антропонимов в основе их номинации лежат названия растений (например, топонимы Ἀκανθος = ἄκανθος «акант», Ἀφύλλος «полынь», Κυπάρισσος «кипарис», Αἰγέρος «черный тополь» и мн. др.). Целый ряд топонимов в Македонии, на Самосе, на Крите и в других местах носит название Ἀμπέλος «виноградная лоза, виноград». Город в Сицилии Ἐλινόι представляет собой форму мн. ч. от др.-греч. ἔλιος «виноградная лоза». В семантическом отношении и.-е. **uei-* «вить(ся)» → (F)οἶνος точно так же, как и.-е. **uel-* «вить(ся)» → (F)ἔλιος, ср. εἰλόμαι «извиваться» (< **ueloμαι*)¹².

¹⁰ Несколько больше (25) насчитывает их В. П. Казанскене [23, с. 15].

¹¹ Этимология Варрона, принятая в современных этимологических словарях (А. Эрну — А. Мейе, Ю. Покорный).

¹² В. И. Георгиев [10, с. 265] ссылается на другое производное того же корня: др.-греч. εἰλεος «вид виноградной лозы». Этимологическое сопоставление последнего слова с др.-греч. εἰλεω «вращать, катить» дает Я. Фриск [14, т. I, с. 456].

Город на Кипре Ἀμασσός < *Ἀμααх-ι-ός, ср. ἀμάχῃ «виноградная лоза» (засвидетельствована также основа ἀμααх-). Причем это — не единичная реконструкция ad hoc, а широко представленная в догреческой топонимике словообразовательно-семантическая модель [25, с. 62–66]. Приведенные факты убедительно говорят о том, что и Οἰνάνδα и Οἰνοῦσσα были образованы не от названия «алкогольного напитка», а от названия растения. Помимо приведенных аргументов, в пользу этого, с одной стороны (применительно к топониму Οἰνάνδα), свидетельствуют такие географические названия, как Θρόνδα (Ликия, ср. θρόν «тростник, камыш») или Καρῶνδα и Καρῶσσός (Кария, ср. καρῶ «орешник»). С другой стороны, многочисленные древнегреческие топонимы типа Κισσοῦσα (Беотия, ср. κισσός «плющ»), Μαραθῶσσα (Крит и др., ср. μαραθόν «укроп»), Σιδωῶσσα (Лидия, ср. σιδῆ «гранатовое дерево») и т. п. [26, с. 274–277] говорят в пользу того, что и топоним Οἰνοῦσσα был образован от названия растения. Тем более, что в древнегреческом языке засвидетельствовано слово с нужным значением: οἴνη (< *uoinā) «виноградная лоза».

Важно отметить, что даже сторонники средиземноморского происхождения лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οἶνος вынуждены признать, что лат. *vītis* «виноградная лоза» — производное корня *uei- и связано этимологически с глаголом *viēre* «вить, плести». Если придерживаться средиземноморской гипотезы, то придется считать, что лат. *vīnum* — это заимствование из какого-то неиндоевропейского языка, которое совпало фонетически с обычными соответствиями между латинским и древнегреческим языками, случайно отразило и.-е. чередование *e/*o, вошло в сложный комплекс и.-е. суффиксальных чередований, стало означать то же самое растение, что и исконное слово *vītis*, причем одинаковая семантическая мотивация (с точки зрения индоевропейской или латинской) оказалась у двух случайно совпавших корней различного происхождения. Разумеется, после таких допущений вероятность средиземноморского происхождения лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οἶνος практически становится равной нулю. Во всяком случае, если не выходить за рамки языковых фактов, такое допущение выглядит не менее странным, чем, например, выглядело бы предположение о доиндоевропейском субстратном происхождении ст.-слав. *nb-n-иѣ* при одновременном признании и.-е. этимологии слова *nb-m-иѣ* [ср. 11, с. 375–377; 27, с. 5].

Наконец, мне хотелось бы обратить внимание на сравнение лат. *vīnea* «виноградная лоза, виноградник» и *vīnea* «осадный навес». Должны ли мы видеть здесь еще одно «случайное» совпадение? По-видимому, нет. С другой стороны, совершенно очевидно, что мы не можем вывести названия винограда или вина из названия осадного навеса (или наоборот). Древние виinei сплетались, насколько нам известно, не из виноградной лозы, а из ивовых прутьев (*contextae viminibus vineae* — Caes., *Commentarii belli civilis*, II, 2, 1). Тем самым исключается возможность образования лат. *vīnea* «осадный навес» на основе заимствованного слова *vīnum*. Единственной разумной основой для сближения слов *vīnea* «виноградная лоза» и *vīnea* «осадный навес» является возведение их производящей основы *vīn-* к и.-е. глагольному корню *uei- «вить(ся), плести». Эта семантическая реконструкция надежно подкрепляется в данном случае наличием отмеченного выше суффиксального чередования *-n-/*-men-: *vī-n-ea* ≈ *vī-min-ea* «сплетенная из ивовых прутьев». Наконец, отношение между *vīnea* «виноградная лоза» и *vīnea* «осадный навес» полностью совпадает с отношением между теми же двумя значениями лат. *vītis*. Поскольку лат. *vīnea* в значении «виноградник» представляет собой субстантивацию прилагательного в сочетании типа *plantatiō vīnea* «виноградное насаждение», обращает на себя внимание также полное совпадение прилагательного *vīnea* (в составе этой реконструкции) с прилагательным *vītea* «виноградная».

Таким образом, опять средиземноморская гипотеза должна опираться на предположение о случайном совпадении, а и.-е. этимология лат. *vīnum* и др.-греч. (F)οἶνος позволяет дать весьма правдоподобное семантическое объяснение древней полисемии: лат. *vīnea* «виноградная лоза» — *vīnea* «осадный навес».

Семантическое распределение производных и.-е. корня **uei-* «вить (ся), плести» с наиболее распространенными суф. *-n-*, *-t-* и *-ten-* в латинском и древнегреческом языках можно суммировать в следующей небольшой таблице (В — «вино», ВЛ — «виноградная лоза», И — «ива», ИЛ — «ивовая лоза», Щ — «щит, навес»; примеры были даны выше):

Суффиксы	Латинский язык	Древнегреческий язык
<i>-n-</i>	ВЛ В Щ	ВЛ В
<i>-t-</i>	ВЛ В Щ	И Щ
<i>-ten-</i>	ИЛ И Щ	—

Таким образом, в древнегреческом языке довольно четко противопоставлены в словообразовательном плане: а) вьющееся растение (виноград) и его продукт, б) растение, используемое для плетения (ива) и плетеный щит (ἰτέα). В латинском языке — картина более сложная. Названия виноградной лозы и вина распределены здесь между суф. *-n-* и *-t-* (с преимущественным обозначением в первом случае вина, а во втором — растения). Ива и ивовая лоза обозначаются производными с суф. *-ten-* (**-tn-*), а названия плетеного навеса образуются с помощью всех трех суффиксов

Выводы. Лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οῖνος не представляют собой заимствований из неиндоевропейского средиземноморского субстрата, а являются словами и.-е. происхождения, возникшими в части и.-е. ареала после распада общиндоевропейского языка-основы. Что касается древнегреческого языка, то здесь слово (F)οῖνος могло явиться заимствованием из догреческого, но индоевропейского субстрата. О такой возможности свидетельствует, быть может, догреческий топоним и.-е. типа Οἰβάαδα (юго-западная Малая Азия).

Существенный интерес представляет приводимое В. И. Георгиевым крипто-микенское слово *we-je-we*, которое он трактует как ΓεῖηΓεῖ — мн. ч. от Γεῖς: «виноградная лоза». В пользу этого толкования В. И. Георгиев приводит глоссу Гезихия οἴη, ἀπλῆλον, интерпретируемое им как Γεῖη (аркадо-кипрская форма вин. п. [10, с. 62 и 265]). Если это так, то перед нами, во-первых, еще одно производное и.-е. корня **uei-* «вить(ся), плести» со значением «виноградная лоза», а во-вторых — аргумент в пользу возможного заимствования греками названия винограда у догреческого индоевропейского населения (образования на *-eós* обычно считаются догреческими, но индоевропейскими).

Не исключена также возможность, что лат. *visāla* (ī или ī?) «род виноградной лозы» (Colum. III, 2, 24) также представляет собой деминутив от основы **uei-s-* или **ui-s-*. Но все это — уже детали.

Вопрос о самостоятельности или заимствованном характере ¹³ арм. *gini*, хетт. *wiyana*, а, возможно, и ст.-слав. *вино* требует особого исследования. Неиндоевропейские названия вина (финский, грузинский, семитские и др.)¹⁴ были заимствованы у индоевропейских народов. Но каждый отдельный случай здесь требует особого рассмотрения. В целом пример с происхождением лат. *vīnit* и др.-греч. (F)οῖνος наглядно показывает, сколь ошибочны бывают этимологии, базирующиеся на общих концепциях, а не на анализе конкретного языкового материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Planta R. von.* Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte. Bd. I—II. Straßburg, 1892—1897.
2. *Brugmann K., Delbrück B.* Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 2. Aufl. Straßburg, 1897—1916.
3. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921.

¹³ Речь в данном случае идет о внутрииндоевропейских заимствованиях.

¹⁴ О том, что груз. *χvino* «вино» — заимствование из индоевропейского, см. [28, с. 203—204].

4. Meillet A. De quelques emprunts probables en grec et en latin.— MSLP, 1908—1909, t. 15, p. 161—164.
5. Schrader O., Nehrung A. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. 2. Aufl. Bd. I—II. Berlin, 1917—1929.
6. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
7. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Bearb. von Hofmann J. B. Bd. I—II. Heidelberg, 1938—1954.
8. Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Bd. I—III. Hrsg. von Pokorny J. Berlin — Leipzig, 1926—1932.
9. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
10. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
11. Georgiev Vl. I. Introduzione alla storia delle lingue indeuropee. Roma, 1966.
12. Georgiev V. I. Introduction to the history of the Indo-European languages. Sofia, 1981.
13. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. T. I—II. 4-ième éd. Paris, 1959—1960.
14. Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954—1969.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973.
16. Bonfante G. Das Problem des Weines und die linguistische Paläontologie.— In: Antiquitates indogermanicae. Gedenkschrift für H. Güntert. Innsbruck, 1974.
17. Stati S. Participiul latin în -to.— Studii și cercetări lingvistice, 1959, t. X.
18. Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
19. Fick A. Altgriechische Ortsnamen. I.— Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, 1896, Bd. 21.
20. Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
21. Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939.
22. Schmidt J. Kritik der Sonantentheorie. Weimar, 1895.
23. Казанскене В. П. Древние греческие и латинские образования с суффиксальными *-m-, *-men-, *-n-: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1980.
24. Otkupščikov Ju. The etymology of late Latin *fremmentum*.— Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli, sezione linguistica, 1965, v. VI.
25. Откупщиков Ю. В. Догреческие -ss- топонимы и антропонимы (словообразовательный и этимологический анализ).— В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1984.
26. Откупщиков Ю. В. О происхождении древнегреческих топонимов на -(ῆ)εζσα/ιοβσα.— В кн.: Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975.
27. Georgiev V. I. Le Sud-Est européen et la Méditerranée. Interrelations linguistiques.— In: IIIe Congrès international d'études du Sud-Est européen. București, 1974.
28. Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.